

Чэн Цзинсюань и Фу Цзюньяо наспех собрали вещи, перекинулись парой слов со слугой и последовали за Чжу Чэнчжаном.

Все знали, что главная усадьба Цинцао находится на горе Лунцюань, но никто не мог указать её точное местоположение. Фу Цзюньяо с Чэн Цзинсюанем бывали на этой горе не меньше десятка раз, однако ни разу не замечали ничего подозрительного. Но сегодня, следуя за Чжу Чэнчжаном, они видели те же горы и те же деревья, а всё же места вокруг казались иными.

— Братцы, вход в нашу усадьбу Цинцао крайне скрытен, к тому же защищен магическим массивом Цимень Дуньцзя, — торжественно произнес Чжу Чэнчжан. — Обязательно ступайте след в след за мной, лучше ни на шаг не отставать, иначе рискуете заблудиться в лабиринте.

Оба кивнули и двинулись за ним, ставя ноги точно в его следы. К удивлению, они заметили, что его маршрут подчиняется строгой закономерности: стоило им сделать несколько обходных маневров, как путь внезапно открывался. Так они вскоре вышли к густой бамбуковой роще.

— Вот и вход в усадьбу Цинцао, — сказал Чжу Чэнчжан.

Изумрудные стебли бамбука плотной стеной окружали рощу. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, рассыпаясь по земле яркими пятнами, словно россыпь звезд. Подул ветер, бамбук зашелестел, и в игре света и тени, казалось, скрывалась какая-то неведомая мощь.

Чжу Чэнчжан достал кристалл и стал медленно перемещать его, ловя солнечные лучи. Отраженный свет поочередно падал на восемь точек в роще, соответствующих восьми триграммам: Цянь, Кунь, Чжэнь, Сюнь, Кань, Ли, Гэнь, Дуй. В тот же миг массив пришел в действие!

— За мной! — рявкнул Чжу Чэнчжан и бросился в чащу, двое других поспешили следом.

Чжу Чэнчжан провел Фу Цзюньяо и Чэн Цзинсюаня через множество извивающихся троп, и внутри действительно оказался целый мир.

Перед ними предстал огромный комплекс зданий. Над главными воротами красовалась величественная табличка с надписью Усадьба Цинцао, выполненная размашистым почерком, в котором чувствовалась вековая стать. Фу Цзюньяо, всегда готовый пустить в ход красноречие, уже приготовил поток лестных слов, но не успел их произнести, как до его слуха донеслись звуки ожесточенной схватки.

— Брат Чжу, что здесь происходит?

Не успел он закончить фразу, как мимо них пронесся окровавленный мужчина в домотканой

одежде и, обнажив клинок, бросился на них.

— Банда Сянма прорвалась внутрь! — воскликнул Чжу Чэнчжан. Он ловким ударом ноги выбил меч из рук нападавшего, а затем, развернувшись, нанес сокрушительный удар кулаком прямо в грудь противнику.

Тот изрыгнул фонтан крови и рухнул на землю, не подавая признаков жизни.

— У... убили? — Фу Цзюньяо застыл в оцепенении.

— Брат Фу, брат Сяо Чэн, я пойду помогу своим, а вы спрячьтесь за каким-нибудь деревом. Как только перебьем этих псов, я сразу же вернусь за вами! — С этими словами Чжу Чэнчжан выхватил свой широкий тесак и бросился в самую гущу битвы.

— Брат Чжу, я помогу тебе! — крикнул Чэн Цзинсюань и рванул следом.

Фу Цзюньяо, наконец придя в себя, схватил его за рукав: — Ты с ума сошел? Это бандитские разборки, ты ведь книжник, куда лезешь?

Чэн Цзинсюань крепко сжал его руку, и от его сухой ладони веяло спокойствием. Он втолкнул Фу Цзюньяо за толстое дерево и быстро проговорил: — Сейчас самый подходящий момент, чтобы завоевать их доверие. Я должен идти. Оставайся здесь, что бы ни случилось, через два часа я обязательно вернусь за тобой!

Фу Цзюньяо вцепился в него: — Не ходи, это слишком опасно!

Чэн Цзинсюань ободряюще похлопал его по руке и решительно высвободился: — Не волнуйся, я умею драться.

Затем раздался его крик: — Брат Чжу, я иду на помощь!

— Хороший брат! — отозвался издалека Чжу Чэнчжан.

Фу Цзюньяо остался один за деревом, в полном недоумении глядя на происходящее. Он невольно ткнул в браслет созвездий на запястье и, запинаясь, пробормотал: — Эй, Система, это же виртуальный мир, эти люди ведь не по-настоящему умерли?

Браслет слабо мерцал, и в голове прозвучал холодный голос, словно эхо в самой глубине сердца: — Твоя иллюзия для кого-то может быть реальностью. Истинное и ложное, явное и скрытое — подобно сну Чжуан-цзы о бабочке, кто может сказать, где правда?

Этот голос был до боли знаком!

Фу Цзюньяо вздрогнул: — Кто ты! Кем ты в конце концов являешься?

Но на этот раз, сколько бы он ни тыкал в браслет, ответа не последовало. Лишь в ушах снова раздался душераздирающий вопль.

Фу Цзюньяо всмотрелся вперед: люди в домотканой одежде сцепились с группой бойцов в серых одеждах.

Это была жестокая, не знающая пощады схватка. Боец в домотканом одеянии получил удар клинком, кровь хлестала из раны, но он, словно не чувствуя боли, взмахнул своим мечом и снес противнику половину скальпа вместе с ухом. Тот, хоть и пошатнулся, не издал ни звука, вырвал клинок из раны и с силой ударил врага ногой.

Тело бойца в домотканом отлетело в сторону и рухнуло прямо к ногам Фу Цзюньяо. Он был мертв, а его кровь забрызгала сапоги Фу. Его противник хотел было добить его, но сам не прошел и пары шагов, как упал замертво, истекая кровью, даже не успев вскрикнуть.

Такая кровавая сцена могла лишить чувств любого современного человека, привыкшего к мирной жизни. Сердце Фу Цзюньяо бешено колотилось.

— Цзюньяо, Цзюньяо, Цзюньяо...

Неизвестно сколько прошло времени, прежде чем он услышал, как кто-то зовет его по имени. Фу Цзюньяо инстинктивно поднял голову, его взгляд был затуманен, словно разум еще не успел перезагрузиться.

— Цзюньяо, что с тобой? Почему ты такой бледный? — обеспокоенно спросил Чэн Цзинсюань. От него исходил запах крови, который напомнил Фу Цзюньяо о недавней резне, и его снова пробрала холодная дрожь.

— Я... я в порядке! Просто не могу поверить... неужели это все по-настоящему? Неужели погибло столько людей? — губы Фу Цзюньяо дрожали, слова путались.

Чэн Цзинсюань погладил его по щекам, крепко сжал плечи и четко произнес: — Что бы ни произошло, теперь всё позади.

Фу Цзюньяо вздрогнул и вскрикнул, словно помешанный: — Твои руки... они теплые! Ты настоящий человек! Ты не набор виртуальных данных! А они? Они ведь тоже настоящие! Они живые люди!

Тяжелый камень, долгое время давивший на сердце Фу Цзюньяо, словно смыло потоком воды. Он наконец увидел свет, но этот свет был залит кровью. Невыразимая скорбь пронзила все его существо, разрывая душу.

Чэн Цзинсюань обнял его, прижав к себе.

В голове прозвенел сигнал, и давно молчавший электронный голос произнес: — Поздравляю Хозяина, уровень симпатии целевого персонажа вырос на 1 пункт. Текущий уровень симпатии: 95.

Но Фу Цзюньяо был уже словно в оцепенении. Он чувствовал тепло тела Чэн Цзинсюаня, которое постепенно согревало его, но сердце оставалось холодным. Запах крови, пропитавший одежду Чэн Цзинсюаня, проникал в каждую пору, вызывая трепет в самой глубине души.

— Всё хорошо, всё закончилось, — тихо приговаривал Чэн Цзинсюань, похлопывая его по спине.

Но действительно ли всё закончилось?

Возможно, пока он остается в усадьбе Цинцао и пока жаждет мести, ответа на этот вопрос не будет никогда.

Мужчина есть мужчина — даже после такого потрясения, стоило как следует выспаться, и силы вернулись.

Подумав так, господин Фу похлопал себя по холодным щекам и, подхватив аптечку, поспешил вслед за Чжу Чэнчжаном и Чэн Цзинсюанем.

Вчерашняя бойня прибавила работы — в усадьбе появилось много раненых. Чжу Чэнчжан хотел было провести для них экскурсию, но ситуация требовала немедленной помощи, поэтому он сразу повел их в импровизированный лазарет. Однако, из человеколюбия, он заранее предупредил о том, что их ждет.

— Брат Фу, там наши раненые и отравленные братья. Зрелище может быть неприятным, будьте готовы.

Чэн Цзинсюань лишь кивнул: — Ничего страшного, веди, брат Чжу.

Чжу Чэнчжан толкнул дверь, она со скрипом открылась — дверь была свежеевыкрашенной, ее расшатали, когда число больных резко возросло.

За дверью оказался узкий коридор, и стоило им войти, как в нос ударил невыносимый смрад. Оба, не сговариваясь, задержали дыхание.

В конце коридора находилась большая комната, где ютилось человек семьдесят-восемьдесят. Ни столов, ни стульев — лишь слой шерстяного ковра на полу. Люди лежали вповалку, вдыхая спертый воздух, их раны гноились, лица были покрыты засохшей кровью.

Ни стонов, ни криков отчаяния. Они напоминали бездушных соломенных кукол, равнодушно ожидающих приговора смерти.

Фу Цзюньяо с трудом сдержал порыв выбежать наружу.

— Почему вы не промываете им раны и не проветриваете помещение? Разве так в усадьбе Цинцао обращаются со своими? — гневно спросил Чэн Цзинсюань.

Чжу Чэнчжан горько усмехнулся: — Сначала мы промывали, но стоило ранам соприкоснуться с воздухом, как они начинали гноиться, а от воды — разлагаться. Мы приглашали десяток лекарей, все как один твердят — яд, но никто не может помочь. Со временем всё дошло до такого состояния.

Чэн Цзинсюань почувствовал, как в груди закипает гнев.

Чжу Чэнчжан с красными глазами рухнул перед ним на колени. На этот раз, как бы Чэн Цзинсюань ни пытался его поднять, тот не шелохнулся, и ему пришлось принять этот поклон.

— Брат Фу, умоляю вас!

Чэн Цзинсюань, взглянув на Фу Цзюньяо, торжественно ответил: — Я сделаю всё, что в моих силах.

Чжу Чэнчжан поднялся, смахнул слезу и громко объявил: — Братья, я привел лекаря!

Эти слова стали для них словно вестью с небес. Все взгляды устремились к дверям, и в этих потухших глазах, полных боли, вдруг вспыхнул огонек надежды.

— Брат Чжу, болезнь очень коварна, чтобы избежать заражения, тебе лучше уйти. Как только что-то узнаем, мы сразу сообщим, — сказал Чэн Цзинсюань.

Чжу Чэнчжан, конечно, не хотел уходить: — Нет-нет, я хоть чем-то да помогу, не могу же я оставить вас здесь одних!

Чэн Цзинсюань отмахнулся: — Не беспокойся, мелкие дела возьмет на себя Сяо Чэн, да и места здесь мало, твое присутствие ничего не изменит.

— Это...

Фу Цзюньяо, немного помедлив, добавил: — Если хочешь помочь, принеси вина с добавлением реалъгара, чем больше, тем лучше.

— Хорошо! Тогда оставляю всё на вас! — Чжу Чэнчжан поспешно вышел.

Чэн Цзинсюань выдохнул и подошел к самому тяжелому больному: — Протяни руку.

Тот просиял, на его изможденном лице появилась слабая улыбка: — Благодарю... благодарю, лекарь.

Чэн Цзинсюань взглянул на Фу Цзюньяо, тот сразу понял, что нужно делать: достал красную нить, привязал один конец к запястью больного, а другой взял себе. Почувствовав пульсацию, он передал нить Чэн Цзинсюаню.

— Лекарь, посмотрите, — тихо сказал Фу Цзюньяо. — Это яд.

Чэн Цзинсюань взял нить, сделал вид, что слушает пульс, и нахмурился: — Да, это отравление.

Больной задрожал, словно сухая ветка на ветру. Он потянулся к Чэн Цзинсюаню, словно к последнему лучу жизни.

— Лекарь, есть ли спасение? — он протянул руку с почерневшими ногтями.

Фу Цзюньяо инстинктивно хотел заслонить Чэн Цзинсюаня, но тот мягко отодвинул его и сам взял пациента за изможденные руки. В этот миг его брезгливость и придирчивость, казалось, исчезли без следа.

Фу Цзюньяо был поражен.

Чэн Цзинсюань, словно не замечая грязи и гноя, бережно усадил больного и твердо произнес: — Обязательно найдется способ.

В его голосе звучала магическая сила, способная успокоить любую душу.

Спустя некоторое время Чэн Цзинсюань отвел Фу Цзюньяо в сторону и тихо спросил: — У них есть шанс?

Фу Цзюньяо тяжело вздохнул: — Очень сложно, но шанс есть.

Чэн Цзинсюань заметно расслабился.

У Фу Цзюньяо возник странный вопрос: неужели он так обрадовался спасению этих людей, или же тому, что теперь сможет без препятствий внедриться в усадьбу Цинцао для своей мести?

Чжу Чэнчжан вскоре привез целую телегу вина с реальгаром. Фу Цзюньяо, воспользовавшись именем Чэн Цзинсюаня, собрал всех, кто хоть немного понимал в медицине, но их было всего семеро.

Фу Цзюньяо тайком передал Чэн Цзинсюаню секретные снадобья семьи Фу, научил их промывать раны вином и накладывать повязки. Поможет ли это, он не знал, оставалось лишь надеяться на удачу или на Систему.

К счастью, небеса были к нему благосклонны. Через некоторое время раны у больных начали затягиваться, и слава о великом лекаре Фу разнеслась по всей усадьбе.

Однажды, когда Фу Цзюньяо принес котел с отваром, он увидел, что Чэн Цзинсюань в углу промывает рану тому самому мужчине.

Вино с реальгаром смывало гной, и наконец проступала здоровая кожа. Чэн Цзинсюань аккуратно вытер грязь чистой тканью, еще раз промыл рану и наложил мазь.

Фу Цзюньяо наблюдал за ним издалека. Девы всегда прячутся за твердой оболочкой, скрывая свою мягкую и чувствительную натуру. Чэн Цзинсюань был именно таким: снаружи — панцирь, внутри — нежная улитка.

Вдруг из угла донесся стон.

— Прости, я задел рану, — извинился Чэн Цзинсюань.

Больной покачал головой, сдерживая боль, его лицо скривилось, а руки сжались в кулаки. Он съежился, напоминая не сорокалетнего мужчину, а маленького ребенка.

Рана снова начала кровоточить, и Чэн Цзинсюань принялся за дело заново: промыл, наложил мазь, обмотал бинтом, завязав изящный узелок. Его движения были медленными, но уверенными.

— Чего застыл? Неси лекарство, — не поднимая головы, бросил он.

Фу Цзюньяо опомнился и проворчал: — Вечно ты со мной так разговариваешь, — но все же принес чашу с отваром.

— Спасибо, братец, — улыбнулся больной, и эта простая улыбка согрела сердце Фу Цзюньяо.

— Покорми его, а я пойду помогу другим, — сказал Чэн Цзинсюань.

Фу Цзюньяо кивнул, подул на ложку с лекарством и поднес к губам больного.

Когда с лечением было покончено, больной уснул. Фу Цзюньяо, решив помочь Чэн Цзинсюаню, обнаружил, что того и след простыл.

Он вышел в коридор и услышал знакомый голос:

— Брат Фу, благодарю тебя за помощь. Ты спас не только мою жизнь, но и жизни стольких моих братьев. Я... я не знаю, как отплатить тебе.

Это был Чжу Чэнчжан! Фу Цзюньяо осторожно отступил в тень.

— Брат Чжу, не стоит благодарности. Мы прошли через многое, мы теперь как братья, — слышался спокойный голос Чэн Цзинсюаня.

— Хорошо сказано! Я, грубый вояка, счастлив называть тебя своим братом!

— Иметь такого брата, как ты, для меня дороже золота!

— Раз так, не буду ходить вокруг да около. Вчера ты помог нам отбить банду Сянма, они тебя не оставят в покое. В нашей усадьбе тысячи братьев, я — приемный сын Главы, считай, почти младший хозяин. Если ты готов присоединиться к нам, мы будем на равных. Что скажешь?

— Это... — Чэн Цзинсюань намеренно затянул паузу, изображая сомнение.

Фу Цзюньяо напрягся.

— Брат! Мы вместе сражались, вместе спасали людей. Неужели ты презираешь нашу усадьбу?
— надавил Чжу Чэнчжан.

— Ну что ты, усадьба Цинцао славится на весь мир, — Чэн Цзинсюань помедлил, словно

решившись, и произнес: — Раз брат Чжу так настаивает, то я...

Не успел он договорить, как у Фу Цзюньяо внутри всё взорвалось, и он, не успев подумать, громко выкрикнул:

— Нельзя!

Чэн Цзинсюань и Чжу Чэнчжан одновременно обернулись, их взгляды были полны удивления и недоумения.

<http://bllate.org/book/20359/2035416>